

Цзян Сюэнин стояла снаружи и размышляла о делах Янь Линя, Чжоу Иньчжи и других из прошлой жизни, не обращая особого внимания на голоса внутри.

Она только услышала шорох шторы, и, подняв голову, увидела, что Цзян Бояо уже вышел наружу.

Она тут же встала, сделала реверанс и сказала:

— Приветствую, отец. — Потом добавила: — Дочь стыдится своей неумелости, беспокоя отца такими пустяками...

Цзян Бояо чувствовал себя внутри гораздо спокойнее и махнул рукой:

— Те слуги в твоей комнате больше похожи не на слуг, а хозяева на хозяев не смахивают. Это давно было пора уладить...

— Кхе-кхе!

Не успел он закончить свою речь, как Чан Чжуо тут же откашлялся дважды.

Цзян Бояо взглянул на него и увидел, как тот слегка покачивает головой в его сторону, и вдруг осознал.

Прошло четыре года с тех пор, как Сюэнин вернулась в особняк. Взрослые все видели, каким человеком она стала.

Неужели она не знала, что слуги в её комнате нечисты на руку?

Было очевидно, что она это заметила.

Но как бы ни были наглы слуги за её спиной, перед ней они все звали её «вторая мисс, вторая мисс» и носили на ладонях, как звёзды, мерцающие вокруг светлой луны, словно она была самым уникальным существом в этом мире.

Она просто прощала их.

В конце концов, этот ребёнок был привезён в Особняк из загородного поместья. Вань Нян ушла, и она не была близка с Мэн Ши. Когда она впервые приехала, она не знала никого в Столице. Хотя снаружи она казалась избалованной, внутри она была очень чувствительной и хрупкой.

Чем слабее кто-то внутри, тем больше ему нужна поддержка извне.

Цзян Бояо, в конце концов, был человеком, занимавшим третий ранг при императорском дворе, не говоря уже о том, что он занимал такую важную должность в Министерстве доходов. Он мог видеть сквозь многие вещи и люди, и его дочь, конечно, не была исключением.

Так что в последнее время, даже видя, как она втирается в доверие к слугам в её комнате, он все же убеждал Мэн Ши не вмешиваться, боясь, что если что-то пойдет не так, это может ранить сердце Сюэнин и заставить её чувствовать, что весь особняк против неё.

Он не знал, что так разозлило её сегодня, чтобы она захотела взяться за дело и пойти искать его.

Но чем больше она так вела себя, тем меньше он мог проявлять свой энтузиазм по этому поводу.

Если она сама займётся этим, тогда хорошо, но если кто-то другой поспешно вмешается и отчитает людей в её комнате, она может не так это воспринять. Если другие отчитают их за неё, то её гнев утихнет, и это дело не будет сглажено.

Обдумывая это, Цзян Бояо решил, что лучше отступить, чтобы продвинуться, и изменил свои слова:

— Но обычно ты и сама защищаешь их, так что предполагаю, они хорошо тебе служат. Нормально, что слуги в особняке нечисты на руку, но ты приходишь просить отца помочь тебе поддержать справедливость и заняться этими людьми. На самом деле, можно просто заняться ими в комнате, зачем тебе делать из этого большое дело с таким шумом?

Это был действительно естественный и гладкий поворот.

Цзян Сюэнин слушала, как Цзян Бояо говорит, и тихо понаблюдала за ним на мгновение, уже видя улики. Она обернулась:

— То, что говорит отец, правильно. Дочь не подумала об этом должным образом. Дочь вернется и займется этим сама?

— Эй, эй! Не надо!

Почему её реакция отличалась от того, что он думал?

Когда она услышала, что кто-то вступает за этих слуг, не должна ли она была стать еще более злой и захотеть наказать их еще суровее?

Цзян Бояо был застигнут врасплох ее словами и, видя, как она поворачивается, чтобы уйти, не успел обдумать это и поспешно протянул руку, чтобы остановить ее. Он успокаивающе улыбнулся ей:

— Посмотри на себя, ты уже пришла, как отец может позволить тебе вернуться и заняться этим самой? Я занимаюсь Министерством доходов в императорском дворе, и то, что я не могу терпеть больше всего, — это те, у кого грязные руки! Если в доме нет порядка, как можно управлять страной? Отец точно не может позволить тебе страдать от несправедливости!

Не лучше ли было бы, если бы он сказал это раньше, вместо того чтобы отступить, чтобы продвинуться!

Этот её отец действительно...

Уголки губ Цзян Сюэнин тонко вздернулись. Это было редко, когда она находила что-то забавным, но вдруг внутри неё возникло чувство меланхолии.

Когда она была девицей в особняке, даже слуги были плохими, она не могла устроить большой сыр-бор. Если были какие-то проблемы, она рассказывала об этом Янь Линю, и всё обычно разрешалось этим. После того как она вышла замуж за Шэн Цзе, хотя Шэн Цзе и не обращался с ней плохо, но он и не заботился обо всём так, как это делал Янь Линь. В то время она находилась во дворце, и это было таким опасным местом. Независимо от того, как плохо у неё получалось, её окружение всё равно заставляло её двигаться вперёд шаг за шагом.

Постепенно она выработала спокойное поведение и способность общаться с людьми.

Но к тому времени, по сравнению с её молодостью, это были два совершенно разных человека.

Цзян Бояо смотрел на неё и также почувствовал, что казалось бы, произошло тонкое изменение в её характере, и из любопытства спросил:

— В прошлом ты была очень «щедрой» по отношению к ним. Твоя мать и я беспокоились об этом. Что заставило тебя внезапно передумать сегодня?

Цзян Сюэнин подумала об этом, она действительно изменилась довольно сильно.

Лучше всего было бы иметь удовлетворительное объяснение.

Она подняла глаза и подумала, и без изменения выражения лица или пульса сказала:

— Этому научил меня Янь Линь.

О.

Этот вонючий мальчишка, который всегда перелезал через стены их особняка...

Услышав её слова, Цзян Бояо внутри фыркнул, но на лице выразил задумчивый вид.

Недолго спустя, всех слуг из комнаты Цзян Сюэнин привели сюда.

Они все тряслись с лицами цвета грязи.

Цзян Бояо вспомнил, что у него ещё есть гость внутри, и, опасаясь, что шум помешает, приказал поставить два стула под крышей снаружи кабинета и заставил этих слуг стоять на коленях во дворе.

С таким большим шумом, многие слуги в особняке слышали об этом и тайком высунули головы из-под стен и с края коридора, чтобы посмотреть.

С Ван Син Цзядэ во главе, все слуги из комнаты Цзян Сюэнин не могли поверить в то, что произошло с ними за короткое время менее чем за час: сначала Вторая Мисс, которую они обычно крутили вокруг пальца, вдруг позвала их в свою комнату и попросила сдать все вещи, которые они ранее взяли, без предупреждения. Всё, что они сделали, — это отрицали, предполагая, что даже если Вторая Мисс захочет их наказать, она будет с ними разговаривать, но она просто развернулась и без слов сказала Хозяину, который привел их всех сюда на колени?

Для Ван Син Цзядэ это было ещё более неудачным поворотом событий.

Она уже пережила круг испуга из-за браслета, когда Цзян Сюэнин только вернулась. Она чувствовала, что Вторая Мисс, которая раньше действительно «повиновалась её словам», вдруг стала вести себя не как обычно. Она совсем не могла понять, о чём она думала и почему вдруг изменилась.

У Цзян Сюэнин теперь была поддержка Цзян Бояо, поэтому она подняла руку и хлопала Лянь-эр по плечу:

— Иди, принеси два больших чемодана.

Лянь-эр вернулась, чтобы взять их, и положила на землю в соответствии с указаниями Цзян Сюэнин.

Цзян Сюэнин взяла чай, который Чан Чжуо поставил на стол для неё, слегка подула на него и сделала глоток, прежде чем поставить его обратно и сказать:

— Я уже говорила в комнате, если вы взяли мои вещи, лучше пойти и найти их как можно скорее и вернуть. Я позволю прошлому остаться в прошлом.

Под взглядом всех и при наблюдении Хозяина была мёртвая тишина внизу.

Ван Син Цзядэ не осмелилась говорить.

Молодая девушка толкнула её сзади. Ван Син Цзядэ была полна ненависти внутри, но всё же сдерживала её без слов и только думала о том, как она будет её «чистить», как только они пройдут через текущий кризис.

Видя, что они не хотели говорить, Цзян Сюэнин улыбнулась.

Она тоже больше не говорила.

Они стояли на коленях перед ней, был горячий чай и выпечка к чаю, куда ей спешить?

Земля в середине двора была покрыта твёрдыми голубыми каменными плитами. Хотя слуги и не считались избалованными и утончёнными, большинство из них имели нежную кожу и не испытывали особых лишений.

Стоять на коленях некоторое время было нормально, но по мере того, как время тянулось, некоторые уже не могли выдерживать.

Пока они стояли на коленях на земле, их колени начали подрагивать, а тела — раскачиваться. Лоб и спины всех были в поту.

Наконец, одна из служанок больше не выдержала. Взволнованная и злая, она упала на землю в поклоне, притворяясь обиженной:

— Вторая мисс действительно обижает слуг. Разве в прошлом кто-то не вкладывал всю душу, служа вам, и зная ваш характер, если кто-то осмеливается создавать проблемы, разве это не то же самое, что искать себе смерть? Эти слуги думают, что если они хорошо обслуживают хозяина, то хозяин, конечно же, позаботится о них. Кто бы мог подумать, что Вторая Мисс будет действовать импульсивно и даже возложит что-то вроде кражи вещей хозяина на этих слуг! Если вы вынесете книгу учёта, чтобы показать это этим слугам, они могли бы быть действительно убеждены, но из всех, кто служит вам в комнате, кто не знает, что вы не имеете представления о вещах, которыми владеете? Эти слуги убирают ваши вещи. Если сегодня вы скажете, что в чемодане меньше вещей, значит, меньше. Если вы скажете, что больше, значит, больше. Всё зависит от того, что вы скажете. Эти рабы все из скромных семей, откуда у этих слуг деньги, чтобы заполнить этот пробел для вас?